

Татьяна
Соломатина

Три истории
от автора
бестселлера
«Прямой посыл»

Большое
сердце

Татьяна Юрьевна Соломатина

Больное сердце (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=419422

Т.Ю. Соломатина / *Больное сердце*: АСТ, Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-066273-9, 978-5-271-27390-2, 978-5-17-066272-2,
978-5-271-27391-9

Аннотация

«Русская литература всегда отличалась тем, что в нее приходили из медицины талантливые писатели. Но среди них не было авторов-женщин. Со своим взглядом на коллег и на пациентов, со своей жизненной философией. Теперь есть Татьяна Соломатина, книги которой не выпустить из рук, пока не прочитаешь последнюю страницу. С женской беспощадностью она говорит о врачебном цинизме, а ты понимаешь, что сей цинизм – форма самозащиты тех, кто постоянно сталкивается с чужой болью, с кровью, со стонами, видит жизнь на грани смерти и ответствен за чужие судьбы. И при этом доктор, который для пациентов – бог, параллельно живет обычной жизнью – у него дети, жены и вечная нехватка денег. Татьяне Соломатиной удается, возможно, самое трудное в творчестве: показать слабость и силу богов», – написала Наталья Нестерова. В книгу вошли три новеллы писательницы, ставшей одним из главных литературных открытий последнего времени: «Постоянная переменная», «Сонина Америка», «Больное сердце».

Содержание

Постоянная переменная	4
1. Ответственный дежурный врач	4
2. Первый дежурный акушер-гинеколог	17
3. Второй дежурный акушер-гинеколог	24
4. Дежурный анестезиолог	32
5. Дежурный неонатолог	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Соломатина

Больное сердце (сборник)

Постоянная переменная

*Столько событий за целый год —
Убито много людей
Разными скучными способами.
На каждый утонувший пароход —
Сто человек с насморками,
И пятьдесят — с поносами.
Из них сто двадцать восемь —
Неизлечимы.
Из них восемнадцать — мужчины.
Папа Хэм любил корриду.
Оставшиеся в живых
Борются со СПИДом.
Вот такие дела —
Наступил Новый год.
На пристани ждет
Свежепокрашенный пароход!*

1. Ответственный дежурный врач

Петр Александрович смотрел на жену. Во сне она была особенно некрасива. Куцые седые волосы размазались по бе-

лой наволочке. «Как свалывшаяся собачья шерсть», – подумал он и тут же больно получил в солнечное сплетение от совести.

– Черт! – Все еще красивый форматный мужчина без малого шестидесяти лет ойкнул и присел на краешек кровати.

– Петенька, опять болит? – произнесла женщина сквозь сон. – Проклятая язва! Почему ты себя не бережешь? Разве в новогоднюю ночь некому дежурить? – Она привстала и нежно погладила его по щеке.

– Света, ты прекрасно знаешь, что праздничные дни, а особенно – ночи, в роддоме наиболее ответственны.

– И больше в Новый год дежурить некому? – в который раз спросила жена, заранее зная ответ.

– Некому, Свет.

– А Ленка твоя?! – Она встала, набросила халат и начала причесываться перед зеркалом.

«Господи, если бы не эти клочкастые спутанные пейсы»...

– Эй, о чем задумался?! А Ленка твоя?!

– Ленка «моя», как ты ее изволишь величать, – начмед. А им по штату не положено ночных дежурств.

– А заведующему родильно-операционным блоком положено?

– Положено. И еще сверху придавлено.

– Вот-вот... А что тогда твоя Ленка там по ночам делает, если ей не положено?

– Елена Николаевна по ночам роды принимает, оперирует

своих девочек или если особо сложные случаи.

– И свои девочки и особенно особо сложные случаи, – на-
супилась жена, – возникают именно на твоих дежурствах?

– Не только. Поверь, она бывает в роддоме по ночам го-
раздо чаще, чем я. – Он улыбнулся через силу. «Ничего, еще
полчаса, и ты уйдешь на работу. Всего тридцать минут меж-
ду туалетом-ванной-кухней, и все», – проматывал он спаси-
тельную мантру.

– Я сварю тебе овсяной каши.

«Успокойся, продукты успеешь купить по дороге, а уж де-
вочки сообразят». Он мечтательно улыбнулся.

Надо сказать, что Светлана Григорьевна, почтенная су-
пруга Петра Александровича, мать двоих взрослых сыновей
и четырежды бабушка, совершенно зря ревновала своего му-
жа к Елене Николаевне. Это было так давно, что уже могло
считаться археологическим артефактом. Сто лет назад, когда
Санька и Ванька еще пускали пузыри в близнецовой коляске,
а Петр Александрович был молодым тридцатилетним, хотя
уже и многоопытным хирургом, в родильный дом – еще не
этот – пришла совсем юная ординатор Елена Николаевна. У
нее была русая коса до пояса, стройные ноги, тонкие запя-
стья и совершенно правильные черты лица. Будучи класси-
чески красивой женщиной, она отнюдь не производила по-
добного впечатления. Все благодаря пресной близорукости
глаз. Но она была покорна, позволяя Петру Александрови-
чу наматывать косу на ладонь. Такая у него была странная

прихоть. Молодая жена после очередного бытового скандала в пику ему постриглась чуть ли не наголо... Ох, как не вовремя появилась Лена с ее безразличными глазами. Роман длился три года – как раз столько, сколько потребовалось жене Свете вновь обрести подобие косы, а ординатору Елене Николаевне – выучиться у Петра Александровича ремеслу и сменить его на более перспективного любовника. Уходить от жены она никогда не просила. Он сам как-то предложил, мол, если хочешь... Но она лишь рассмеялась. Смех у нее был такой же пресный – под стать глазам.

После окончательной отставки в апогее страдания он даже уволился. И Елена Николаевна поменяла место работы – перейдя на повышение.

Спустя пятнадцать лет, когда Саша и Ваня уже неумело елозили по своим щекам папиной бритвой, Петр Александрович и Елена Николаевна снова встретились. В только построенном крупном родильном доме, входящем в состав многопрофильной клинической больницы. Его пригласили заведовать отделением гинекологии, а она была назначена «сверху» начмедом – заместителем главного врача по акушерству и гинекологии. Де-юре. Де-факто Елена Николаевна являлась главным врачом родильного дома. Встретились как две старые полковые лошади, поржали над прошлым, по-товарищески впряглись и потащили этот нелегкий лечебный и административный плуг по кочкам женского нездоровья, оврагам плохого финансирования и прочим

лесам, перелескам и болотистым местностям, обозначенным на карте как «государственная медицина». Жена Света заката, было, истерику и... очень быстро поняла, что попала «не в тему». Тем не менее вяло, но перманентно подкармливала необоснованные подозрения настоящего мумифицированными фактами прошлого.

Александр Петрович вместе с Иваном Петровичем покинули родовое гнездо, обзавелись собственными стойлами, и Петр Александрович, проснувшись однажды утром, обнаружил рядом с собой в постели совершенно чужую, седую почти, пожилую женщину, которая называла его Петенькой. Кажется, именно тогда впервые у него нашли вначале гастрит, а потом перестраховались и поставили язву желудка. От болевого синдрома долгое время ничего не помогало. Ни клинических, ни лабораторных, ни даже инструментальных признаков чего-то фатального – не было. А боль – вот она. Страшная, сгибающая пополам спастическая боль. Особенно по утрам при виде жены. Гастроэнтерологи и друзья-хирурги были уже почти в тупике – Петр таял, его всегда такие живые глаза стали близнецами белесых безжизненных очей начмеда. И тут появилось оно – Самое Лучшее Лекарство от язвы. Вернее – от «экзистенциальной тоски», как именовал сам Петр Александрович свое внезапное недомогание.

Анечка. Акушерка. У нее была русая коса до пояса, стройные ноги, тонкие запястья и совершенно правильные черты лица. Будучи классически красивой женщиной, она еще

даже не понимала, какое впечатление производит и тем более будет производить на мужчин. Ей было всего восемнадцать. Глаза ее сияли прожектором с ультрамариновыми фильтрами, смех был естественно-обволакивающим, а не искусственно отконтралированным, как это свойственно более зрелым прелестницам. Она была жизнерадостна, как Винни-Пух, слопавший чужой мед, печальна, как Ослик Иа, потерявший хвост, и бестолкова, как Пятачок, уничтоживший воздушный шарик. Короче – она была естественна до одури. И Петр Александрович потерял голову. К тому же Анечка позволяла Петру Александровичу наматывать косу куда угодно и при этом была ласкова и беззащитна, как двухнедельный щенок.

Петр Александрович перевел Анечку из приемного отделения в физиологический родзал, на что Елена Николаевна, хоть и покачала укоризненно головой, но закрыла свои ситуативно близорукие глаза.

– Петь, это пахнет педофилией! – усмехнувшись, сказала она ему за плотно закрытыми дубовыми дверьми кабинета начмеда. – Пятьдесят восемь минус восемнадцать будет сорок. О чем вы вообще разговариваете-то?!

– Лена, я с ней не говорю. Я с ней отдыхаю. Прижмется ко мне и водит пальцем по лицу. Я просто лежу. Поставит какую-нибудь гадость в DVD и смеется. А мне приятно.

– Тебе явно нужна была дочь. – Лена затушила бычок в пепельнице.

– А тебе явно не надо было делать тогда аборт. Теперь ни дочерей, ни сыновей. Только муж-альфонс. Насколько он там тебя моложе?

– Всего на десять. Не ехидствуй. Кто старое помянет – тому глаз в жопу.

– А кто старое забудет – тому оба на хер. Все хорошо, когда до конца. Я поражаюсь тебе, Лен. Всю жизнь принимать роды, всю свою длинную женскую жизнь принимать и принимать эти проклятые роды у чужих женщин и так и не захотеть своих детей?

– Петь... Давай не будем заводить шарманку, а?

– А машину ты зачем своему жиголо купила?!

– Слушай, хорош уже ворчать. Во-первых, никакой он не жиголо. У него своя работа, он ее любит, не его вина, что дохода она не приносит. А моя – приносит. Смогла – купила. Не могла бы – не покупала. Он бы и так со мной жил, не изволь беспокоиться. Ты своей малолетней пигалице вообще квартиру купил. Слава богу, хватило ума записать на себя, не совсем еще в маразме, видимо. Ты что от меня хотел? Чтобы я ее заявление на перевод из приема в физиологический родзал подписала? Я подписала. Нарушая все правила. Чего ты от меня еще хочешь? Психоанализа? Это, Петь, не ко мне. Это к другому доктору. Иди, плати денежки и неси на здоровье все, что твоей душеньке угодно. Водит она ему «пальцем по лицу»! Сейчас разрыдаюсь. Все, иди отсюда. Через полчаса посмотрим девочку из второй палаты в патологии.

– Холодная ты, Ленка! Холодной была – холодной и осталась. Ты не умрешь, как все. Ты заледенеешь, – улыбнувшись, сказал Петр Александрович. Взял со стола подписанное размашистой закорючкой заявление, тщательно выведенное под его диктовку круглым детским почерком, поднялся и вышел.

– Ты будешь есть? Или так и будешь узоры ложкой рисовать? Петя! Ты где?!

– Прости, Свет, задумался.

– Я, между прочим, который год под елкой в компании телевизора шампанское пью. Эти внуков подкидывают и уходят. Для тебя работа дороже всего на свете.

– Ну сколько можно одно и то же. Надоело! – Петр Александрович решительно отодвинул от себя тарелку. – Найди себе какое-то занятие по душе, подруг заведи, собаку, в конце концов. Глядишь, и легче станет. И от меня отцепишься, и от сыновей.

– Да как ты смеешь! Я детей растила, ночей не спала, пока ты в своих больницах пропадал. Они же слабенькие были.

– Света, они слабенькие сколько были? Они же от твоей любви материнской уже в двенадцать лет на Ленинградский вокзал сбежали – товарняком в Финляндию ехать. Новый год встречать и новую жизнь начинать. – Петр улыбнулся, вспомнив замерзших испуганных мальчишек, снятых милицией на следующей же станции. Как они радовались, как бросились навстречу, увидав папу и маму, от которых парой

часов прежде решили сбежать. – Им уже по тридцать лет. Оставь их в покое. Они и внуков тебе скоро давать на выходные перестанут. Свет, в чем смысл твоей жизни?

– В тебе. И в детях, – поджав губы, тихо ответила жена. Уровень соленой воды превысил высоту плотины, и слезы яростно хлынули из глаз. Этого он не мог перенести. Это оставалось тем немногим, если не единственным, за что он когда-то боготворил эту женщину. Она плакала совершенно по-детски. Никакой бабьей истерики, никаких надрывных всхлипов. Просто крупные капли – как грибной дождь. И сияющие глаза. Никакой укоризны. Искренняя обида ребенка, не понимающего и не принимающего внезапно открывшиеся ему несправедливости мира. Это делало их такими похожими – Светлану Григорьевну, прожившую полвека, и Анечку возраста позднего «teens». Этого никогда не было в расчетливой и холодной Елене Николаевне. Не было и быть не могло. Она родилась не через естественные родовые пути живой теплой женщины, вызвав боль и радость, разрыв кровеносных сосудов и выделение гипофизом гормонов, наполняющих женскую грудь молоком. Лена родилась, как Афина Паллада. Через чью-то мужскую голову. Видимо, в наказание за это она всю жизнь и шла по головам. Преимущественно – мужским.

– Света, прости старого дурака. Ну, прости меня. – Он обнял жену и погладил ее по седой голове. Я тебе подарок под елочку приготовил. Хотел завтра утром положить, ну да

побуду ранним Дедом Морозом. – Он прошел в свой кабинет и вынес оттуда объемный фирменный пакет. – Ты давно хотела новую шубу, держи!

Жена недоверчиво, с затаенным восторгом – как умеют только дети, животные и старики – достала из чехла невесомое меховое чудо – великолепно выделанную песцовую шубку.

– Извини, если что. На свой вкус выбирал. – Он, конечно же, врал. Шубу он выбирал с Анечкой. И в тот магазин пошел только из-за вырезанной из глянцевого журнала фото кожаной курточки в нелепых заклепках и стразах. После того как русоволосая Анечка получила искомое, она расцеловала его, да так и скакала жизнерадостной козой, царственно приказав продавцу упаковать ее старенькую школьную курточку в фирменный пакет. «Квартире она так не радовалась», – машинально отметил про себя Петр Александрович.

– А папе-то нравится? – не заржавело за обслуживающим персоналом.

– Да, «папа» вне себя от восторга! – скрипнул Петр Александрович, хлопнув вертлявого мелированного парня по плечу. – Ань, как думаешь, может, «маме» что подберем, а?

– «Маме» надо что-нибудь солидное, дорогой «папочка», – строго сказала Анька и подошла к выбору со всей серьезностью. Надо сказать, девушка не испытывала к жене Петра Александровича никаких женских чувств – ни злости,

ни зависти, ни ревности. Светлана Григорьевна была для нее такой же частью жизни этого мужчины, как неизменный коньяк в кабинете, как умение мастерски выходить из любых, самых сложных акушерских ситуаций, как Елена Николаевна, в конце концов. Он был для Анечки богом. Зевсом как минимум. У нее не то чтобы хватало ума не ревновать и не посягать, отнюдь, хотя и глупой для своих восемнадцати она не была. Просто все это – его гениальные руки, начмед, жена, его взрослые сыновья и малолетние внуки – были оттуда, с Олимпа. Она принимала этот «интерьер» как есть, не посягая на «перепланировку». Все это не просто поставлялось в комплекте – в ее детском сознании все, с ним связанное, и все, с ним связанные, – и были Им. Ее старым и добрым Богом. Отношения Анечки и Петра Александровича были настолько же целомудренны, насколько извращенны. Это был почти кармический инцест. Только она об этом не задумывалась. А он – не позволял себе задумываться. Отдавая отчет в том, что, встретить он Анечку в ее четырнадцать или шесть, он испытывал бы те же смешанные чувства, Петр Александрович ощущал мощнейший резонанс отеческих чувств, вердиктом психоанализа которых стала планетарная классика: «Раз уже оно так получилось, то пусть идет как идет».

Шубу «маме» выбрали роскошную. Слезы у Светланы Григорьевны моментально высохли, и она уже доставала наиболее подходящую к мехам обувь, чтобы насладиться своим отражением в зеркале.

– Светка, у тебя потрясающая фигура. Тебе безумно идет! – совершенно искренне сказал Петр Александрович.

– Петька, спасибо! Ты так давно не делал мне таких роскошных подарков! И тем более комплиментов, – зардевшись, тихо добавила она. – Мне сразу захотелось в парикмахерскую! Да сегодня вряд ли. Там же запись за месяц вперед была. Новый год, все-таки. Да и ладно! Вот сейчас тебя провожу...

– Подожди. Вот здесь тебе еще кое-что. – Он про себя подивился Анечкиной предусмотрительности. И протянул жене еще один пакет. Поменьше и поувесистее. В нем была косметика, батарея кремов для увядшей кожи и даже два флакона краски для волос так любимого им оттенка, на языке фирм-производителей называемого «скандинавский блондин». – Приятного тебе дня и с Новым годом, любимая!

– И тебя, мой Дед Мороз, – несколько мгновений спустя, оценив содержимое пакета, ответила жена. – Только ты мне позвони, ладно?

– Непременно, Свет.

– Спокойного тебе дежурства. Ой... – и осеклась, вспомнив, что не принято, не принято! НЕ ПРИНЯТО!!! Не принято желать докторам спокойного дежурства. Особенно на праздники. – Прости.

– Ничего... Ничего. Ну, пока. – Он улыбнулся.

«За столько лет могла бы уже запомнить».

Петр Александрович надел пальто, поцеловал жену и вы-

шел на лестничную клетку. Пока он ждал лифт, Светка слала ему воздушные поцелуи и даже перекрестила. Давно он не видел ее такой сияющей.

«Я старый козел! Не стою этих женщин», – радостно и светло подумалось ему, пока он топал по непримятому снегу к машине. Легкие спастически втягивали в организм морозный декабрьский воздух.

2. Первый дежурный акушер-гинеколог

– Только не назюзюкайся до полусмерти! Могут же люди выпить немного для настроения и остановиться. И только тебе надо нажраться до потери человеческого облика и трахаться со всеми подряд!

– Я на дежурство иду! – Светлана Анатольевна и бровью не повела, в тысячный раз приводя аргумент, который соответствовал действительности как минимум раз девятьсот пятьдесят. Что, согласитесь, для десяти лет тоскливого супружества не так уж и плохо.

– А тебе по хрен, где напиться и с кем в койку упасть!

«Вот достал!»

– Слушай, Игорь, не так что-то – уходи. Начнешь с чистого листа, в Новый год и без скандалов, а?..

Увы, без скандалов не обходилось – ни первые, ни они же последние десять лет.

Поженились канонически – после второго курса медицинского института. Быстренько запотешили двоих детей – девочку и еще одну девочку, оба закончили вуз с красными дипломами, вместе получили распределение в не самую плохую больницу, благодаря Светкиным родителям. Они же подарили молодой крепкой семье трехкомнатную квартиру буквально в двадцати минутах ходьбы от работы. Молодые акушер-ги-

неколог и уролог в перспективе имели большое обеспеченное будущее. Они могли, не торопясь, овладевать профессией, поддерживаемые по всем фронтам – от карьерного до материального. Но. Всегда есть ужасное «но», не правда ли? В данном случае это сакральное двухбуквенное было поистине катастрофическим. Светкины родители разбились насмерть на одной захолустной трассе. Все могущественные друзья, приятели и знакомые, выразив сочувствие на похоронах, растворились в дали собственных жизней. У Светы случился малоприятный гормональный сдвиг – она обросла волосами в неположенных местах и облысела в исконно волосатых. А также растолстела, оплыла и стала неконтактна. Лечили ее примерно год. Вернее – лечила. Все обязательства и расходы взяла на себя та самая блеклоглазая Елена Николаевна. Почему? Кто бы объяснил. Она же пристроила Светкиных чад в пристойный детский сад на пятидневку и нашла более-менее высокооплачиваемую работу Игорю Ивановичу – Светкиному мужу. Его родительница проживала в каком-то селении километрах в трехстах от города и работала в сельсовете бессменным секретарем регулярно меняющихся председателей, а папы у него отродясь не было. Помощи ждать было неоткуда, и ему пришлось вспоминать, как оно – выживать самому. И все бы ничего, если бы найденная Еленой Николаевной денежная работа не была ну никак не связана с медициной. Его пристроили экспедитором в крупную фирму, торговавшую зерном, мукой и прочим подобным то-

варом. «Хлеб – всему голова!» – напутствовала его дама, не приходящаяся ему никем, в ответ на его капризные взбрыкивания, мол, он гениальный уролог и рожден оперировать и пальцами из простат приличные деньги выковыривать.

– А жену и детей ты не рожден кормить и содержать? А сейчас еще и лечить. Не будь меня... – Она помогала, но и не забывала напоминать об этом. И, в общем-то, правильно. Потому что, если ты мужчина, ты в ответе за тех, кого приручил, окольцевал и зачал. Вне зависимости от смены жизненных обстоятельств. – Муж познается в беде, понял?! А не нравится – вот Бог, вот порог Светкиной квартиры, которая ей в наследство досталась, так что – фиг отсудишь! – и чеши в какую-нибудь Уваровку хирургом в ЦРБ. Или топай, куда я сказала. Мозги есть – сообразишь быстро, что к чему.

Игорь сообразил достаточно быстро. Даже научился машинировать помаленьку. Впрочем, и официальной зарплаты вполне хватало на еду, одежду, оплату счетов, да еще и на рестораны с поездками оставалось.

Светка выздоровела и быстро пошла в гору, опекаемая лично Еленой Николаевной. В рекордно короткие сроки – года за три – она овладела самыми востребованными оперативными техниками и родовспомогательными манипуляциями. Соображением обделена не была, много читала, и Елена Николаевна уже прочила ей место заведующей наблюдательным отделением после того, как на пенсию, наконец, сплавится засаленный Борис Евгеньевич.

И тут Игорь Иванович взбрыкнул. Он уже забыл, кому и чем он обязан из покойных и ныне живущих, и стал казаться себе пупом земли, самостоятельно выросшим на онай, невзирая на неблагоприятную почву. Каждой очередной потаскушке он рассказывал, что «сам себя сделал», пожертвовав ради никчемной жены и безобразной матери его обожаемых крошек – в этот момент из портмоне всегда доставалось фото дочерей – великолепной хирургической карьерой. А ведь он мог быть практически Лопаткиным, а то и переплюнуть великое урологическое солнце и открыть новую вселенную в этой, затертой бездарями и протекционистами, специальности. Очередная шалава, как правило, внимала, умилялась изображениям «крошек» и пыталась развести не в меру хмельного Игорька на более-менее пристойную сумму денег. Чем больше его жалели – тем больше он давал. Он разбил служебную машину, влез в долги по самое анальное отверстие, потому как возомнил себя великим бизнесменом, но не потянул. Подросшие «крошки» уже откровенно пугались папиных депрессий и старались не отсвечивать в его присутствии. Светка же тяжело трудилась и уже достаточно неплохо получала за свои труды. Во всяком случае, на еду, одежду, оплату счетов ей хватало. А также оставалось на репетиторов и поездки для дочерей. И на рестораны – для себя. Но, увы, она стала лихо прикладываться к бутылке и к мужским гениталиям. Первый раз она изменила «в отместку», и выяснилось, что это самое дело ей ой как по душе. С кем угодно.

Кроме законного супруга.

Развестись и выгнать его из дому ей не давало... чувство благодарности и вины. Как же! Ведь именно из-за нее он бросил медицину и целый год терпел ее больную, раз в два дня принося в стационар бульон, паровые котлетки и приводя с собой за ручку детей. Не так страшны мужская ярость и ненависть, как женское чувство благодарности и вины.

Так они и жили. Соблюдая семейные ритуалы и «делая лица» в присутствии дочерей.

Светке было уже абсолютно все равно, где и с кем Игорь. Ему же напротив – становились все мучительнее измены жены. Он выискивал ее реальных и гипотетических любовников и просто случайных партнеров, устраивал жуткие сцены и однажды даже пытался набить прекрасное лицо заведующему реанимацией новорожденных. Но получил сам. Вадим Георгиевич сообщил Игорю Ивановичу, что хочет на Светке жениться, несмотря на двоих детей, склонность к промискуитету и запойный алкоголизм. Потому как причиной последних двух болячек является именно он – Игорь. Но Светка почему-то отказывается. Видимо, считает себя в ответе за «такое говно, как ты».

– А детям?

– Что, детям?

– Детям не я причина? – ехидно прошипел Игорь.

– Ты – повод, а дети – от Бога, поверь неонатологу.

Вадим протянул Игорю сигарету, и с минуту они молча

курили.

– А ты не хочешь самоликвидироваться, а? – усмехнулся Вадим, глядя, как ревнивый муж прикладывает к переносице услужливо вынесенный санитаркой пузырь со льдом. – Суицид не предлагаю, кишка у тебя тонка. А вот уйти по-мужски еще не поздно. Я ведь Светку рано или поздно додолблю. Чтобы ты, мерзавец, ни ей, ни девкам окончательно жизнь не испортил, козел вонючий.

– А я с ней сплю! – пискляво выкрикнул почти двухметровый Игорь в качестве убойного аргумента.

– А мне по...й, – спокойно парировал Вадим. – Потому что я ее люблю. Чувствуешь разницу? Впрочем, не парься, братан, я с ней тоже сплю. В общем, даю тебе полгода. Потому что мне ровно столько понадобится, чтобы со своей разойтись красиво. Бывай, «гений». – Вадим хлопнул его по плечу и скрылся в приемном.

Это произошло около месяца назад и прелестей семейной жизни не добавило. Игорь был в курсе, что сегодня дежурит Вадим Георгиевич. Эпизод мордобития он со Светкой не обсуждал. Сама же Светлана Анатольевна была в курсе лишь того, что услужливо расписали свидетели, и не знала, как себя вести с мужем. Она предпочитала никак себя не вести. Девочки были отправлены к родственникам на каникулы. Елка была наряжена перед их отъездом и сейчас смотрелась нелепо в этом царстве взаимной ненависти с неясным прогнозом на исход.

– Иди, иди, блядствуй! Или ты полагаешь, что Вадим с женой не спит?

– А мне все равно, – спокойно парировала Света. – Потому что я его люблю. Чувствуешь разницу? Впрочем, не парься, муженек, я с ним тоже сплю. В общем, пока, дорогой. С наступающим тебя Новым годом! Подарок под елочкой. Думаю, не ошибусь, если предположу, что мне Дед Мороз через тебя ничего не попросил передать. Дверью она хлопнула от души. Кажется, роддом – единственное место, где... дом. «Если мы с Вадимом поженимся в конце концов, то сделаем в этой квартире капитальный ремонт. Полную перепланировку. Чтобы ничто и никогда... Добрый Дедушка Мороз, сделай так, чтобы... Сделай уже хоть что-нибудь!» Она смахнула слезы, закурила и пошла на работу. Двадцать молчаливых минут по свежевывавшему утреннему белому-белому снегу.

3. Второй дежурный акушер-гинеколог

– Витенька, детка, ты не забыл термос? – Нет, мама, спасибо. – Виктор Давидович поправил воротник плаща и еще раз придирчиво оценил свой анфас в зеркале.

– Как же это несправедливо, сыночка! Почему ты дежуришь в Новый год? Мамочке будет так одиноко!

– Потому что я – молодой врач, ма!

– Зачем ты кричишь на меня? Витюшенька, обязательно поешь бутербродики! Почему ты не хочешь взять с собой кастрюльку?

– Потому что, мама, я не хочу выглядеть идиотом!

– Что же тут смешного, если мальчик на работе поест?

– Мама! Мальчики на работу не ходят! Мальчики ходят в детский сад!

– Витюшенька, для мамы ты всегда мальчик, мама волнуется, чего же ты хочешь?

Больше всего «Витюшенька» хотел удавиться. А еще больше большего – удавить маму. Месяц назад он расстался с разбитной девочкой Аллой неопределяемых кровей. Увы, дочерью Сиона она не была. Это подтверждали нос-картошка, узкие бедра и нахальные рязанские глаза. Она хотела или замуж и прописку, либо на фиг, потому что жизнь коротка. Мама прилегла в кардиологическое отделение с гипертони-

ческим кризом, Алла пошла замуж не за Витеньку. А Витенька смиренно пошел на фиг – носить маме супчики в «кастрюльках» и натертые полезные субстанции вроде лука и хрена – в баночках. Рыдал он от души, размазывая по терке очередную «панацею». Гипертонический криз миновал, за ним последовало обострение невралгии – Витенька исправно умащивал маменькину поясницу змеиным и пчелиным ядом, но ее не брал даже скипидар. Ей все было нипочем. Воистину русским богатырским здоровьем обладала эта пожилая еврейская дама. После втираний Витенька приносил в койку чай с птичьим молоком. Массировал сухие птичьи стопы. Читал ей вслух на ночь не то Пастернака, не то Гумилева и мечтал только об одном – чтобы она умерла. Быстро и безболезненно. По ночам ему снились психоделические кошмары с матушкой в роли Троцкого и с ним – Витенькой – в роли ледоруба. Он просыпался в холодном поту и бесшумно, не дыша, крался на кухню запивать свой горячий бред ледяной водой.

– Витюша! Ты простудишься! Не пей из холодильника! В чайнике теплая водичка, – страдальчески шептала мать из своей комнаты, дверь в которую никогда не закрывалась. Двери же в Витенькину комнату отродясь не было – ее заменяли древние бамбуковые занавески, намертво прибитые покойным отцом Давидом Семеновичем в год рождения Витюши.

– Мама, я не пью из холодильника. Я пью из чашки.

– Мама тебе только добра желает, а ты постоянно ехидничаешь! Все воспринимаешь в штыки... Ты же понял, о чем я! – Мама начинала рыдать, и Витенька просил прощения, приносил тонометр и успокаивал до самого рассвета. Потому что у нее бессонница. Еще бы. Столько спать днем.

Виктор Давидович был тихим студентом-отличником, затем – неприметным исполнительным интерном, и уже четвертый год осваивал роль безынициативного покорного ординатора. Он сидел в обсервации и писал, писал, писал. За тех, кто оперировал, принимал роды и решения. Вечный ассистент, главный «куда пошлют». Витек безропотно заполнял все журналы протоколов и до победного конца звонил на станцию переливания, доводя до истерики своей тихой безответной настойчивостью даже бой-бабу заведующую.

– Алле! Нина Васильевна? Здравствуйте. Вас беспокоит ординатор обсервационного отделения Виктор Давидович. Нам нужна четвертая отрицательная. Срочно.

– Виктор Давидович, сейчас из кармана достану! – безапелляционно-саркастично заявляла в ответ железная леди Нина. – Вы в своем уме? Откуда у меня четвертая отрицательная? А сокровищ Эльдорадо вам не надо? До свидания...

Короткие гудки.

– Алле! Нина Васильевна? Здравствуйте еще раз. Вас беспокоит ординатор обсервационного отделения Виктор Давидович.

дович. Нам нужна четвертая отрицательная. Срочно.

Короткие маты.

– Алле! Нина Васильевна? Она вышла? С кем имею честь? С врачом-лаборантом? Здравствуйте, врач-лаборант. Вас беспокоит ординатор обсервационного отделения Виктор Давидович. Нам нужна четвертая отрицательная. Срочно. Нет. Денег у них нет. На обмен могу предложить любую группу из имеющихся в журнале резервных доноров. У вас нет? Понимаю. Но девочка может умереть. Куда позвонить? Я туда уже звонил. Вы – наша станция переливания крови. Вы обязаны обеспечить наше родовспомогательное учреждение... Что? Нет, Господу Богу я не буду писать жалобу. Я напишу рапорт начмеду и главврачу. А они – в горздрав. А те...

Длинные матюги.

Виктор Давидович не кричал, не бросал трубку. Он продолжал звонить и спокойным, бесцветным, невыразительным голосом требовать кровь, консультанта, юриста, сантехника и, как правило, добивался искомого. За это он был безмерно ценим и не изгоняем из операционных ассистентов, несмотря на абсолютный, законченный хирургический анти-талант. У Витеньки была тяжелая рука и недобрый глаз. И в этом не было его вины. Вообще-то он хотел заниматься наукой, резать мышей, кошек, собак, а если повезет – то и обезьян. Пристроиться постдоком куда-нибудь в CDC-Центр¹.

¹ CDC-Центр – Center for Disease Control – Центр по контролю и борьбе с за-

Выращивать культуры клеток *in vitro* и в результате серии из трех миллионов экспериментов, найти средство от ВИЧ-инфекции, а то и от некоторых видов рака.

Это его мама хотела, чтобы он был акушером-гинекологом. Чтобы маме на старости лет было чем намазать бутерброд поверх масла.

Но Витя жил на голую зарплату врача второй квалификационной категории. С людьми общаться лично не умел – телефонные и электронные коммуникации давались ему куда лучше. Он был тих, скромен и не то что сказать «в лоб», а намекнуть на «спасибо» не мог. Хирурги, для пациенток которых он раздобывал цельную кровь редких групп, Ег-массы² и прочие «блага», спасающие от геморрагических шоков³ и ДВС-синдромов⁴, горячо благодарили, жали руку и, бывало, совали долларов двадцать от щедрот. Но этим пока и ограничивалось. Витек не терял надежды обрасти когтями, зубами и характером. Ему казалось, как только его мамочка скончается – конечно же, легко и безболезненно, – все в его жизни наладится. И в личной и в профессиональной. Аллочек на этой планете много, всех не разберут ко сроку, когда его мамочка покинет юдоль земных печалей. «Например, во

болеваниями, США, Атланта.

² Фракционированные из цельной крови эритроциты.

³ Шок, связанный с массивной кровопотерей.

⁴ Синдром диссеминированного внутрисосудистого свертывания – одно из самых опасных состояний в акушерстве

сне. Да-да! Это прекрасно – смерть во сне! – думал Виктор Давидович, заполняя очередной бесконечный протокол переливания крови и кровезаменителей за Петра Александровича или Елену Николаевну. – Или, скажем, я приду с дежурства, а никто мне не откроет дверь, прежде чем я достану ключ или позвоню. Эта тварь целый день, что ли, у дверного глазка проводит? Мама лежит под одеялом, лицо землистого цвета, рядом – томик поэтов Серебряного века. Я кидаюсь к ней с порога прямо в обуви. И никто мне не говорит: „Витюша, сними ботиночки, детка!“... А она... уже холодная. „Мама! Мамочка!“ – Витя смахивал слезу, чтобы не закапать бумагу. – Я устраиваю скромные, но достойные похороны. Лидия Иосифовна напечет пирогов или чего там положено на еврейских похоронах? Зажигаю эти... Как их?... Впрочем, пусть все делает тетя Лида, а я буду сидеть печальный и безутешный. Место на кладбище рядом с могилой отца давно забронировано. Прекрасно! Одним геморроем меньше. Вещи ее раздам старушкам. Кровать – выкину на помойку. Обдери все обои, плитуса, выжгу всех тараканов автогеном. Сделаю капитальный ремонт. Или вообще продам эту квартиру. Уйду в запой. Вернусь на теоретическую кафедру. Это, в конце концов, никогда не поздно. Женюсь на какой-нибудь Дуньке, наделаю с ней славных карапузов-суржиков, подберу на улице бездомную дворнягу и...»

– Вить! Вызови в четвертую к Ивановой ЛОР-врача, а? Я убегаю в операционную!

– Ладно.

Виктор Давидович выныривал из своих мыслей, дописывал протокол и начинал звонить в оториноларингологическое отделение:

– Алле! Здравствуйте. Вас беспокоит ординатор наблюдательного отделения Виктор Давидович. Нам нужен консультант в роддом. Срочно. Первый этаж. Четвертая палата. Иванова. Нет, она сама прийти не может. И с санитаркой не может. Она беременная. Сейчас зима. В переходах холодно. Вы обязаны консультировать родильный дом. Не вы отвечаете? А кто отвечает? По какому номеру перезвонить? Записываю...

Короткие гудки.

Короткие матюги.

Длинные матюги.

Максимум через час оториноларинголог на месте. Чтобы, заглянув Ивановой из четвертой палаты в сопливый нос, сделать запись в истории родов: «Катаральный ринит». И проклясть Виктора Давидовича до седьмого колена за то, что оторвал от куда более важных профильных пациентов, заставил переодеваться и топтать бесконечными мрачными больничными подвалами-переходами из-за такой ерунды.

– Ты не будешь брать кастрюльки?

– Нет, мама, не буду. Спасибо. Сама поешь.

– Да холодильник ломится, Витюша! Разве мне самой что-нибудь надо? Ладно уж, иди на свое дежурство. Мы с Лиди-

ей Иосифовной вдвоем выпьем шампанского, телевизор посмотрим. Что уж теперь поделаешь, если ты себе такую работу выбрал. Не забудь позвонить мамочке, Витенька. Ты вернешься с дежурства, а под елочкой будет для тебя подарок. Что ты в этом году попросил у Деда Мороза, мой мальчик? – шершаво щебетала мама, поднимая воротник плаща и укутывая Витюшину шею шарфом.

Виктор Давидович с ужасом представил себе красиво завернутый в подарочную упаковку хладный мамин труп под обвешанной золотистыми шариками искусственной елкой и, быстро чмокнув ее в щеку, выскочил за дверь.

4. Дежурный анестезиолог

Сергей Алексеевич проснулся от оглушающего тьяканья. Голова раскалывалась, во рту было сухо, как в пустыне. Он привычным движением потянулся за бутылкой минералки. К счастью, она была на месте. И в ней, против обыкновения, была вода. В голове зашумело, мыслительные шлюзы открылись, по нервным волокнам побежали импульсы, и на коре головного мозга загорелась неоновая надпись:

«От тебя ушла жена!»

«Да она уже две недели как ушла!» – заливисто захохотал пекинес, прочитав первую Сережину мысль.

– Ну, и слава богу!.. Когда же ты научишься справлять свои нужды в кошачий лоток, скотина проклятая?! – попытался сменить тему непутевый хозяин.

– Ни-ког-да! – пролаял Принц и демонстративно помогился на Сережины тапки.

– Ой, вот только не надо! Мне до «белки» далеко, а ты не ньюфаундленд. И если уж ты решил со мной разговаривать, так делай это хотя бы голосом Василия Ливанова, как положено, а не писклявым сопрано нашей бывшей супруги.

Пекинес подошел и ласково лизнул Сережину волосатую лапищу. Умильная мордочка этого существа, ни за что ни про что награжденного глупой кличкой Принц, выражала сочувствие и готовность порвать любого, кто обидит такого

большого и такого доброго, хотя слегка и не от мира сего, хозяина.

– Да, знаю я, знаю! Я тебя тоже люблю. Ладно, все равно этим тапкам уже год как самое место на помойке. – Псина согласно затрясла головой. – А почему мы уже целую неделю не сменим тебе это дурацкое имя на что-нибудь более подходящее грозному кобелю, а? Какой ты, на хрен, Принц? – Лохматый плюшка на коротких ножках залаял согласным басом. – Ты будешь... Ты будешь... Надо на «П», да? Пиндос. Не хочешь? Пантелей. Тоже нет? Пифагор? – Пес шлепнулся на спину и в отчаянии замахал передними лапами. – Плутарх. Плутоний. Преднизолон. Перун. Пенис. Представляешь, гуляю я с тобой в скверике, а ты убежал, тварь эдакая, и я ношусь по газонам и ору: «Пенис, ко мне! Пенис, вернись, это я, твой хозяин, я волнуюсь!» – Пес уселся на задние лапы и посмотрел на хозяина с укоризной. – Ну, я не знаю, не Путиным же тебя величать. Сам тогда предлагай.

– Гав-гав-гав! – заливисто залаял временно безымянный пекинес на будильник.

– Полвосьмого!!! – в ужасе завопил Сережка. – Ах я пидорас! Нет-нет, даже не думай! – Он строго посмотрел на кобелька. – Как ты себе представляешь это «ко мне!»? Будешь пока просто Пес. Невзрачно на первый взгляд, конечно... Зато все-таки на «П». Ладно, быстро собираемся, делаем свои большие собачьи дела прямо во дворе, назло дворнику, и папа быстро уходит. У папы дежурство! И вот только

не надо скулить. Я что, по-твоему, должен с тоски издохнуть на Новый год? Нет уж! Папа специально поменялся. Я пойду в роддом, там люди. Там анестезистки – снежинки, санитарки – снежные бабы, маленькая елка и большая жизнь. Не переживай, я тебе оставлю целую гору корма и чистый лоток. Впрочем, если тебе будет невыносимо тоскливо – гадь, где твоей душеньке угодно. Если кто тебя и осудит, так только не я. А больше тут и нет никого. – Пес вздохнул. Сережа вздохнул. Скрипнув, вздохнула дверь, и надрывный астматический лифт повез их на утренний моцион.

Жена от Сергея Алексеевича уходила последние два года регулярно. И на сей раз ушла, похоже, навсегда. Во всяком случае, наконец, забрала вещи, микроволновку и единственный компьютер.

Они были очень красивой парой. Он – высокий форматный брюнет. Она – выше среднего тонкая блондинка. Кроме внешней сочетаемости, они совершенно ничем не подходили друг другу. Сергей – добросовестный честный парень, любивший свою работу и отлично с ней справлявшийся. В нем было врачебное предвидение. То, что выдается лишь немногим и по большому благу Тем Самым, В Кого Мы Верим. Или не верим. Ему все равно. Сергею был щедрой рукой выписан бонус на предошущения изменений гемодинамики пациентов. Не задумываясь, он инстинктивно выполнял именно то, что спасало и стабилизировало. Его руки сами по себе творили верное в верном месте чужого организма. Это бы-

ло шестое чувство в периоде. И дар этот был отнюдь не из легких. Он мучил своего обладателя. Довлел над ним. Сергей Алексеевич не был врачом – он был встроенным в организм пациента сверхчувствительным датчиком. И датчик этот улавливал все. Все – это значит не только жизненные показатели, но и дым посторонних переживаний, отливы чужих событийных рядов и приливы роковых волн. Это модно именовать «экстрасенсорикой». Его называли хорошим диагностом и ремесленником, что в комбинации и есть лекарский талант. Сам себя он считал поломанным приемником. Таким, что не настраивается на нужную волну, а улавливает из эфира все подряд.

Пройдя Крым и рым всевозможных реанимаций и хирургических отделений, Сережа осел в акушерском стационаре, где верят, не веря, и, саркастически усмехаясь, молятся божку Интуиции. В предыдущих врачебных департаментах он не уживался отчасти и потому, что всегда шел наперекор начальству, если был уверен в своей правоте. Он выписывал дорогостоящие медикаменты для «ничейных» старушек и не боялся процедуры списания наркотиков, если речь шла об онкологическом больном. Он был слишком человечен для врача и слишком чувствителен для анестезиолога. И еще – он не умел вымогать деньги, хотя искренне пытался научиться. Даже с хирурга он не мог требовать причитающуюся ему долю от бластной операции, «ничейным» же пациентам, а то и просто бомжам закупал нехитрую провизию и элементар-

ные медикаменты на свою зарплату.

Елена Николаевна была хорошим, умным начальником – она ценила Сергея за настойчивость. И верила ему даже там, где другие анестезиологи имели кардинально противоположное, подтвержденное лабораторно, мнение на предмет врачебной тактики.

А красавице жене все это – пришибленность, увлеченность и особенно безденежье – крайне не нравилось. Она преподавала математику в школе и очень неплохо считала чужие заработки. Особенно – врачебные.

– Клюкин машину купил. Новую. А ты?

– А я не купил, – честно отвечал Сережка, обезоруживающе улыбаясь.

– А Фирсов – квартиру, – ворчала она.

– А моя фамилия Зимин.

– Моя, к сожалению, тоже не Гейтс, – говорила жена и, хлопнув дверью, отправлялась «учить дебилов решать уравнения». Иногда родители «дебилов» нанимали Софью не-Ковалевскую репетиторствовать, но эти скромные доходы никак не соответствовали ее чаяниям. Впрочем, от Сони быстро избавлялись. Она была не в меру истерична и совершенно не ладила с детьми.

Лишь в одном они были похожи, как однойцовые близнецы: оба – и Сережа и Соня – были окончательными, гениальными «ходаками».

Сергей Алексеевич не мог пропустить ни одной новой юб-

ки. Вернее – пижамы. Включая санитарок. Софья Алексеевна охотно ложилась подо все, что способно шевелиться, включая отцов учеников. Но если Сережка радостно дарил дамам себя, то Сонечка требовала от мужчин мзды за подаренные утехи. Обожала презенты – желательно стоящие, да и деньгами не брезговала.

Они охотно совокуплялись и друг с другом. Сергей был равнодушен к Сониным изменам. И это ее бесило. Сама она – напротив – была ревнивой до коллапса. Причем – в буквальном смысле этого слова. От ярости у нее падало артериальное давление чуть ли не до запустевания сосудов головного мозга, и Сережке приходилось выполнять профессиональные обязанности на дому. Также она обожала публичные сцены, а Сергей, как это ни странно, был парнем домашним, уютным и где-то даже стеснительным и трепетным.

Детей за пять лет брака у них так и не случилось. Да им не особо-то и хотелось. А вот месяц назад Сергей приобрел собаку. Вернее, ему – в благодарность от пациентки – подарили щенка, получившегося от слияния элитной собачьей яйцеклетки с не менее элитным собачьим сперматозоидом. Серый носился с несчастным пекинесом, как мать родная, а Сонька лишь снисходительно-одобрительно взглянула в сопроводившие песика бумаги и назвала его Принцем. Более никакого участия она в жизни животного не принимала. Принц же люто возненавидел математичку. Он гадил в ее обувь похлеще шкодливого кота, растрепал в лохмотья все

ее сумки, умудрялся с ювелирной точностью куснуть новые колготки так, чтобы привести в негодность вещь, ни капельки не ранив человека. Чтобы не вызвать гнев Хозяина. Потому что Сережка – Собачий Бог – над стрелкой на колготках посмеется, а за отмеченную зубами ляжку можно и получить веником. В общем, пекинес Соню за человека не считал. Тем более – за собаку.

Пес стал поводом. Когда нагадил на разложенное на кровати новое Сонино платье. Причин было и без того предостаточно. Тем более Сонечка уже недели две желала уйти к очередному любовнику, более перспективному в материально-финансовом плане, чем «вечный неудачник» Сергей Алексеевич. Последний скорее обрадовался, чем расстроился, и тут же отправился в долгожданный загул. Неделю назад он с ужасом осознал, что грядет Новый год, а встречать его не то чтобы не с кем, а скорее не хочется – именно с теми, кто имеется, не хочется ни есть, ни пить, ни спать. Он быстренько поменялся – практически молниеносно. На всю голову семейный и добропорядочный Саша совсем не был согласен с составленным графиком, но он так давно не дежурил по праздникам, что отвертеться не смог. А тут – такая удача сама нашла. Он пообещал Сережке деньги за дежурство, бутылку хорошего коньяка и поддаться в нарды. На такой подарок Серый и рассчитывать не мог, потому что Александр Николаевич был бессменным чемпионом оперблока по этой такой незамысловатой и такой многосложной игре. На то он

и Новый год, чтобы мечты сбывались.

– Ладно! Папа пошел, не грусти! Вода у тебя свежая, много. Еда вкусная, еще больше. – Глядя на умильную лохматую мордочку, Сережка почувствовал себя злым-презлым и гадким-прегадким папашей, который оставляет малого ребенка взаперти. Одного! Да еще когда?! В новогоднюю ночь. – А завтра мы будем долго-долго гулять и пойдем в гости к мерзавцу Клюкину. Хочешь, он покатает тебя на новой машине? А смотри, что папа тебе купил! – Сережка извлек из-за спины фигурную «косточку» из сухожилий, мячик и резинового поросенка с пищалкой. – В общем, не скучай, пищи во всю мощь, а от салюта можешь спрятаться под подушку. Разрешаю тебе ее сгрызть. В конце концов, у тебя должен быть снег и конфетти. А завтра мы нарядим маленькую елочку. Ну и что, что мы одинокие мужчины? Это ненадолго, уверяю тебя. Может, все-таки назвать тебя Пенис?

Он поцеловал забавную грустную собачку в мокрый нос и быстро закрыл за собой дверь. Лифта дожидаться не стал. Печальное поскуливание погнало его вниз по лестнице.

5. Дежурный неонатолог

– Ты с сахаром? – спросила Таня.

– А ты не помнишь? – Вадим Георгиевич, прищурившись, посмотрел на нее.

– Ну, мы же разводимся. Вернее – расходимся. Ты так и не был на мне женат. – Она пожала плечами.

– И ты считаешь, что в связи с этим я перестал пить кофе с сахаром?

– Ну, мало ли. Вдруг. В твоей жизни перемены...

– Что не имеет смысла менять – не имеет смысла менять никогда.

– Например?

– Например, кофе с сахаром.

– Вадим, ты всегда был демагогом.

– Я называю это риторикой.

– Ты невыносим.

– Это правда.

– Боже, ты согласился!

– Не ехидничай. Я всегда соглашаюсь с правдой.

Они мирно пили кофе на кухне. Никаких разводных страстей ни он, ни она не испытывали. Вадим вообще не любил продолжать что-либо дольше того, пока оно естественным образом длится. Почему-то считается, что закапывать надо только мертвецов. А с мертвыми чувствами можно продол-

жать жить, со временем приняхавшись к приторному запаху тления и не замечая трупных пятен тромбированной застойной мертвой субстанции, некогда снабжавшей живое.

А она... Что ж, ей было грустно. Но Татьяна понимала, что ничего не изменить. Не с ним.

Это внезапно началось на какой-то новогодней вечеринке три года назад, куда Вадим пришел со своей прежней женой, и плавно сошло на «нет» с течением времени. Она тогда хотела его. Он – хотел ее. Они получили друг друга. Просто чувства одного оказались менее жизнеспособны, чем такие же – другого. Потому что она хотела его и сейчас. Это извечная проблема парных игр. Тех же нард, к примеру. Один еще азартен донельзя, а второй бросает кости лишь по инерции. Вадим был не из тех, кто по инерции. Он сообщил Татьяне о своем решении, как только понял, что Света – это не просто партия. И не просто – серьезно. Света – это единственно возможное. Единственное то самое. Та самая. Жизнь. В которой он и она – звенья одной ДНК и не живут друг без друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.